

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣателя.

XIX.

Гражданскія дѣла.—Ревизіи.

Въ теченіе моего пребыванія въ судебной палатѣ мнѣ дважды пришлось быть, въ качествѣ предсѣдателя гражданскаго департамента, отвлеченнымъ отъ заурядной работы особыми порученіями, очень интересными по задачамъ и оставившими во мнѣ много оригинальныхъ воспоминаній. Это были ревизіи дѣлопроизводства провинціальныхъ судовъ.

26 октября 1882 года меня пригласилъ къ себѣ министръ юстиціи Набоковъ и предложилъ отправиться въ одинъ изъ губернскихъ городовъ петербургскаго судебнаго округа для немедленнаго производства ревизіи окружнаго суда. Главная цѣль ревизіи состояла въ открытіи растраты предсѣдателемъ окружнаго суда нѣкотораго числа партикулярныхъ суммъ, поступившихъ въ судъ. О существованіи этой растраты, которая для большинства должностныхъ лицъ губерніи была, ввиду замашекъ и образа жизни предсѣдателя, несомнѣнна, сообщилъ исправляющій должность прокурора окружнаго суда. Каждый день растрата могла быть обнаружена Контролемъ или раскрыта вслѣдствіе какихъ-либо внезапно случившихся обстоятельствъ. Надо было пойти навстрѣчу этой опасности и предупредить злорѣчивые толки о томъ, что судебное вѣдомство, призванное карать преступленія, смотритъ сквозь пальцы на то, что совершается въ его собственной средѣ. Однимъ словомъ предстояло самимъ — торжественно и, такъ сказать, всенародно — раскрыть рас-

трату, какъ бы это ни было тяжело для достоинства судебнаго вѣдомства. Министръ настаивалъ, чтобы я выѣхалъ въ тотъ же день, но это оказалось совершенно невозможнымъ: на другой день въ гражданскомъ департаментѣ судебной палаты, гдѣ я предсѣдательствовалъ, было назначено засѣданіе съ моими докладами. Отложить засѣданіе безъ требованія сторонъ я не имѣлъ права. Кромѣ того, такъ какъ нельзя было производить одной ревизіи кассы Суда, а слѣдовало обревизовать всю его дѣятельность, мнѣ необходимо было пригласить опытныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ. Поэтому я выѣхалъ лишь черезъ день въ сопровожденіи секретаря петербургскаго окружнаго суда А. А. Макарова (нынѣ министра внутреннихъ дѣлъ) и помощника секретаря судебной палаты Н. А. Лебедева (нынѣ члена консультаціи Министерства Юстиціи и юрисконсульта Кабинета Его Величества). Къ вечеру мы были на мѣстѣ, и я немедленно отправился къ предсѣдателю и прокурору, но засталъ лишь второго, котораго нашелъ въ сильномъ огорченіи. „Все пропало!“ воскликнулъ представитель обвинительной власти, которому затѣмъ предстояла блестящая служебная карьера и дѣятельная роль въ нѣкоторыхъ законодательныхъ работахъ. „Ему еще вчера дали знать изъ Петербурга, что вы ѣдете для ревизіи, и онъ въ эти два дня успѣлъ пахvatать займовъ и все пополнить. Вы ничего не откроете! — Ну, что жѣ, отвѣчалъ я—и прекрасно: я не найду растраты.—Но вы будете лишены возможности наступить ему на хвостъ! волновался мой собесѣдникъ: а когда уѣдете, онъ возвратитъ занятые деньги, и будетъ, какъ ни въ чемъ не бывало! — „Противъ этого я приму свои мѣры,—сказалъ я—но если можно избѣжать скандала на все вѣдомство, которому порадуются всѣ враги послѣдняго, и не подводить несчастнаго запутавшагося старика подъ уголовный судъ, то я лично буду очень радъ“.—На этомъ мы разстались, а на другой день я и мои спутники, по заранѣе составленному плану и распредѣленію работъ, энергически принялись за ревизію, начавши съ уголовного и гражданскаго отдѣленій Суда. Предсѣдатель—типическій провинціальный bon-vivant—человѣкъ уже старый и нравственно, въ денежномъ отношеніи, оцувствившійся, встрѣтилъ меня со спокойствіемъ человѣка, увѣреннаго въ своей неуязвимости, а когда увидѣлъ, что ревизія спачала направилась на производства, а не на счетоводство, сталъ ходить гоголемъ и относиться ко всему, что происходило въ судѣ, съ точки зрѣнія безпечальнаго наблюдателя. Но на третій или на четвертый день ревизіи картина измѣнилась. Проверка состоянія кассы суда показала, что партикулярныя, т. е. относящіяся къ частнымъ дѣламъ, суммы находятся на лицо, при чемъ эта наличность даже превышаетъ на сто съ чѣмъ-то

рублей ту, которая въ дѣйствительности должна была находиться. Когда на это обстоятельство было указано предсѣдателю, онъ снисходительно улыбнулся и, обращаясь къ казначею, скромному чиновнику робкаго и запуганнаго вида, сказалъ, строго нахмуривъ брови: „обсчитали кого-нибудь!“ О найденныхъ въ порядкѣ суммахъ былъ составленъ протоколъ, и предсѣдатель окончательно просіялъ. Но его ждалъ, очевидно неожиданный имъ, ударъ. Напомнивъ ему кассовыя правила, въ силу которыхъ спеціальныя сборщики не имѣютъ права держать въ кассѣ болѣе весьма ограниченныхъ въ размѣрѣ суммъ и обязаны весь излишекъ противъ нихъ вносить въ казначейство, я обратилъ его вниманіе на неправильность храненія въ кассѣ суда большой суммы, превышающей двадцать тысячъ съ лишкомъ и пригласилъ его передать эти деньги въ казначейство. Онъ любезно согласился сдѣлать это „на дняхъ“.—Отчего не немедленно? спросилъ я.—Надо будетъ составить подробную опись съ отмѣткой дѣлъ—сказалъ онъ. Это потребуетъ нѣсколькихъ дней.—„Опись и всѣ отмѣтки нами уже сдѣланы—сказалъ я, показывая эти бумаги, уже составленныя моими сотрудниками,—и потому я просилъ бы васъ немедленно командировать вашего казначея въ губернское казначейство для сдачи по этимъ описямъ въ присутствіи г. Лебедева всѣхъ денегъ, оставивъ лишь небольшую сумму, могущую быть хранимою въ кассѣ и деньги, подлежащія возвращенію тому, отъ кого они излишне получены. Лишь послѣ этого я могу считать законченной ревизію кассы и сообщить о благопріятномъ результатѣ этой части ревизіи министру юстиціи“. Предсѣдатель смутился, а я тутъ же поручилъ Н. А. Лебедеву присутствовать при сдачѣ денегъ и доставить мнѣ росписку казначейства въ ихъ пріемъ, что и было исполнено.

Въ послѣдовавшей затѣмъ бесѣдѣ, я обратилъ вниманіе предсѣдателя на то, что вообще ревизія казначейской части суда обнаружила цѣлый рядъ безпорядковъ, упущеній и нарушеній Наказа, частые случаи его личнаго вмѣшательства въ такія распоряженія относительно денежныхъ суммъ, которыя могли бы дѣлаться лишь по постановленіямъ суда и, наконецъ, хаотическое состояніе депозитовъ, переданныхъ въ судъ еще семнадцать лѣтъ назадъ изъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ стараго устройства. На другой день послѣ этого разговора онъ принесъ мнѣ письмо на имя Д. Н. Набокова, въ которомъ просилъ министра юстиціи исходатайствовать ему увольненіе отъ должности предсѣдателя и назначеніе на другую должность по судебному вѣдомству для предоставленія ему возможности выслужить пенсію. Желаніе его было исполнено и, имѣя по мѣсту своего воспитанія усердныхъ покровителей, онъ былъ назначенъ

членомъ одной изъ судебныхъ палатъ даже съ сохраненіемъ предсѣдательскаго содержанія. Освобожденные отъ его присутствія, порождавшаго слухи, вызвавшіе ревизію, члены суда—люди трудолюбивые и знающіе и превосходный товарищъ предсѣдателя по уголовному отдѣленію—воспрянули духомъ, и спокойная жизнь суда вошла въ свою нормальную колею.

Я и мои спутники жили тѣсной, дружной семьей въ единственной старомодной, но чистенькой гостиницѣ и работали усиленно, нигдѣ не бывая, и разрѣшая себѣ лишь передъ сномъ пройтись по заснувшимъ улицамъ стараго, полного воспоминаній о прошломъ города, озареннымъ луною, и полюбоваться снаружи какою-либо старинной церковью въ таинственномъ ночномъ освѣщеніи.

Въ одинъ изъ такихъ рабочихъ вечеровъ ко мнѣ зашелъ губернаторъ, маленькій добродушный старичекъ, и пригласилъ меня и моихъ спутниковъ къ себѣ на обѣдъ на другой день въ обществѣ мѣстныхъ „командующихъ на заставахъ“. На обѣдѣ присутствовали между прочимъ предсѣдатель и прокуроръ. Губернаторъ спросилъ меня полушопотомъ: „Я слышалъ, что въ судѣ растрата, и что нашъ почтенный NN *n'y est pas pour rien?*“—Я напелъ всѣ подлежащія моей ревизіи суммы въ цѣлости,—отвѣтилъ я.—„Тс!—сказалъ губернаторъ, высоко поднявъ брови—скажите! а вѣдь какъ болтаютъ люди! Очень радъ за почтеннаго старика!“ Вслѣдъ за симъ онъ провозгласилъ тостъ за мое здоровье, а прокуроръ поднялъ бокалъ за здоровье „нашего уважаемаго предсѣдателя“. Послѣ обѣда мы перешли въ кабинетъ, закурили, и за кофе и ликеромъ нашъ милый хозяинъ отдался воспоминаніямъ о трудностяхъ административной службы и о тѣхъ сложныхъ задачахъ, которыя она представляетъ. Надо сказать, что оба мои молодые спутника, уроженцы столицы и люди университетскаго образованія, въ первый разъ встрѣтились лицомъ къ лицу съ представителями оффиціального міра въ провинціи. При этомъ одинъ изъ нихъ—Н. А. Лебедевъ, состоявшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, преподавателемъ въ Парижѣ у дѣтей въ семьяхъ Бибиковыхъ и русскаго посла во Франціи князя Орлова—иниціатора вопроса объ упраздненіи тѣлесныхъ наказаній—привыкъ видѣть за обѣдами у князя избранный кругъ представителей искусства, науки и политики современной ему Франціи. Онъ слышалъ Гюго, Гамбетту и Ренана, Гриви и Тэна и могъ имѣть случай видѣть Тьера.—„Да-съ,—говорилъ намъ губернаторъ—я здѣсь же былъ вице-губернаторомъ, и вдругъ въ 1863 году меня назначаютъ губернаторомъ въ одну изъ близкихъ къ Москвѣ губерній. Я ѣду, представляюсь министру Валуеву, а онъ меня спрашиваетъ:

„когда вы выѣзжаете къ мѣсту вашего служенія?—Думаю чрезъ мѣсяць, устройвъ свои домашнія дѣла.—Какъ черезъ мѣсяць? воскликнулъ Валуевъ—вы должны ѣхать немедленно! какъ можно скорѣе!—Но, позвольте, говорю я: у меня даже мундиръ не заказанъ.—Вы можете заказать проѣздомъ въ Москвѣ—вамъ вышлютъ. Но я настойчиво желаю, чтобы вы выѣзжали немедленно. Enfin je vous somme de partir!—„Ну, тогда я поклонился,—продолжалъ губернаторъ, дѣлая поклонъ въ пространство и почтительно разводя руками,—и пошелъ къ директору департамента общихъ дѣлъ спросить, что все это значить“.—Да развѣ вы не знаете, сказалъ мнѣ тотъ,—что тамъ предстоитъ на-дняхъ дворянское собраніе, а дворянство въ губерніи крайне возбуждено и раздражено дѣйствіями губернатора А...? — Вы знаете, — прервалъ свою рѣчь губернаторъ, обращаясь ко мнѣ, другу и почитателю благороднаго старца А...—этого извѣстнаго *краснаго*. „Тамъ—продолжалъ онъ передачу словъ директора,—и вице-губернаторъ въ такомъ же родѣ, почему и необходимо во избѣжаніе разныхъ осложненій, чтобы дворянское собраніе открылъ новый губернаторъ. Вамъ надо торопиться!“ — „Ну и дѣйствительно, пріѣхавъ на мѣсто моего новаго назначенія, нашелъ я положеніе! Дворяне фрондируютъ, мировые посредники, которыхъ насаждалъ А..., сплошные радикалы, а въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи—хоть святыхъ вонъ выноси! Столъ былъ такой длинный, четырехугольный, такъ по партіямъ, бывало, и садятся: одни направо отъ меня, другіе—налѣво. И если правые говорятъ „да“, лѣвые непременно „нѣтъ“, правые скажутъ—бѣлое, лѣвые—черное, и все это съ азартомъ и злостью, такъ что засѣданіе бывало вести очень трудно: такъ другъ на друга и наскакиваютъ, этакъ, знаете, дзыгъ, дзыгъ, дзыгъ!..—и онъ быстрыми движеніями рукъ сталъ скрещивать и разнимать пальцы, изображая, какъ происходило это дзыгъ-дзыгъ.—Просто не зналъ, что дѣлать! Но потомъ нашелся и принялъ самую обыкновенную мѣру. Какъ вы думаете, что я сдѣлалъ? Догадайтесь!—Я неопытенъ по части административныхъ мѣръ и затрудняюсь отвѣтить на вашъ вопросъ.—Ну, такъ я вамъ скажу-съ. Я уже вамъ докладывалъ, что они какъ по заведенному порядку садятся—одни направо, другіе налѣво и сейчасъ видно, кто съ какой стороны сидитъ, а середина противъ меня свободна, такъ что крайніе между собою не сливаются. Я позвалъ столяра и велѣлъ ему сдѣлать... *круглый* столъ, такъ что ни правой, ни лѣвой стороны нѣтъ!—торжественно глядя, закончилъ губернаторъ и съ удовольствіемъ допилъ свой кофе. Наступило молчаніе... „Что же—помогло?“—спросилъ я—Помогло!—спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ онъ и,

помолчавъ немного, задумчиво прибавилъ: „слились!“— „Что онъ смѣялся надъ нами?—спросилъ меня по выходѣ на улицу Лебедевъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ я: онъ говорилъ серьезно.—„Это точно изъ Щедрина“,—замѣтилъ Лебедевъ, быть можетъ припомнивъ въ это время тѣ бесѣды, которыя онъ слыхивалъ въ домѣ русскаго посла въ Парижѣ...

Впрочемъ, не только послѣ губернаторскаго обѣда ждало удивленіе моего молодого спутника, еще смотрѣвшаго на многое сквозь очки французской культуры и кое-что позабывшаго изъ русской дѣйствительности. Ревизуя гражданское отдѣленіе окружнаго суда, я убѣдился въ необходимости обревизовать и нѣкоторыхъ нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ и для этого выѣзжалъ, между прочимъ, и въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ. Воды только-что стали, и отъ бѣлаго пушистаго покрова, легшаго густымъ слоемъ на землю, еще вѣяло бодрящей свѣжестью перваго снѣга. Мы полулежали съ Н. А. Лебедевымъ въ кибиткѣ и наслаждались ѣздой по первопутку. На каждой изъ почтовыхъ станцій мой спутникъ на-скоро писалъ письма своей юной женѣ, съ которой не такъ давно былъ обвѣнчанъ. Уже подъ вечеръ мы проѣхали мимо большого монастыря, названіе котораго возникшіи намъ сказать не могъ, утверждая, что это „намастырь (мѣстное произношеніе), намастырь, какъ есть“, и вскорѣ вокругъ насъ разостлалась на огромное пространство ровная снѣжная пелена безъ всякихъ признаковъ жилья, съ едва замѣтными слѣдами полозьевъ въ одномъ направленіи.— „Гдѣ это мы ѣдемъ?—спросилъ одинъ изъ насъ.—А по озеру,—отвѣчалъ ямщикъ:—тутъ цѣликомъ дюже ближе. Но вотъ подъ санями что-то стало мягко потрескивать и хрустѣть.— „Что это трещить и хруститъ?“ спросилъ тревожно мой спутникъ Лебедевъ. Ямщикъ повернулъ къ намъ круглое молодое лицо и сказалъ, улыбаясь:—А ледъ трещить.—Какъ ледъ? почему ледъ?—Да тонокъ,—продолжалъ совершенно спокойно ямщикъ—вотъ и трещить. Онамясь и такъ становой наказывалъ, чтобы озеромъ подождать ѣздить, потому какъ землемѣръ провалился и съ лошадьми, чуть не утопъ.—Такъ зачѣмъ же ты тутъ ѣдешь?—Да какъ же, помилуйте,—оживленно заговорилъ ямщикъ—дорога-то вонъ гдѣ, надо въ объѣздъ ѣхать, а тутъ не въ примѣръ ближе, напрямикомъ.— Мой молодоженъ, мечтавшій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стать отцомъ, заволновался чрезвычайно и сталъ меня настойчиво убѣждать приказать ямщику вернуться назадъ и ѣхать по сухому пути. А сколько озеромъ надо всего ѣхать?—спросилъ я послѣдняго.— Да верстъ шесть.—А много ли мы отѣхали отъ берега?—Да версты три будетъ.—Вы видите,—сказалъ я тогда Лебедеву,— что если

намъ суждено провалиться и окончить наши дни на днѣ этого озера, то этого никакъ не удастся избѣжать. Да, другъ мой, это вамъ не Парижъ!—Ужъ дѣйствительно не Парижъ,—безнадежно махнулъ рукой Лебедевъ и погрузился въ мрачное молчаніе...

Въ февралѣ 1883 года въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появилась статья В. Кроткова „Частный повѣренный (эпизодъ изъ моей практики)“. Въ ней съ живостью и въ талантливой беллетристической формѣ описывались внутренніе порядки одного изъ большихъ окружныхъ судовъ въ старомъ, богатомъ историческими воспоминаніями губернскомъ городѣ Московскаго судебнаго округа. Эти порядки, по описанію автора, шли не только въ разрѣзъ съ элементарными требованіями правильной внутренней организаціи судебнаго учрежденія, но на-ряду съ ними укоренились преступныя сдѣлки между тяжущимися и членами-докладчиками въ гражданскомъ отдѣленіи. Прозрачность псевдонимовъ, употребленныхъ авторомъ, описаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей и указаніе на перемѣны въ личномъ составѣ административнаго и судебнаго персонала въ описываемомъ городѣ не оставляли сомнѣнія, о какомъ именно судѣ идетъ у автора рѣчь, и за какое именно время онъ рисуется дѣятельность послѣдняго. Простота и безыскусственность разсказа, въ связи съ обнаруженнымъ авторомъ основательнымъ знаніемъ техники веденія гражданскихъ дѣлъ, придавала даннымъ, приведеннымъ въ этомъ разсказѣ, значительную степень вѣроятія. Общій выводъ изъ этихъ данныхъ былъ тотъ, что, со времени учрежденія, въ 1874 г., частныхъ повѣренныхъ, трое изъ нихъ, наиболѣе выдающіеся, образовали при описываемомъ окружномъ судѣ тѣсно сплоченный кружокъ, при чемъ черезъ посредство регистратора суда установили особый порядокъ поступленія дѣлъ, поручаемыхъ каждому изъ нихъ, въ опредѣленный столъ гражданскаго отдѣленія. Завѣдующіе столомъ состояли у „приписаннаго“ къ нему повѣреннаго на откупъ, начиная съ писцовъ и кончая членомъ суда, съ которымъ заключалась „аренда—пожизненная, несмѣняемая, прекращаемая лишь по обоюдному согласію или за *перемѣщеніемъ* одной изъ сторонъ“. Во главѣ этихъ повѣренныхъ стоялъ, до послѣдняго времени, уволенный отъ службы за лихоимство бывший секретарь суда „Жышинъ“, который, пользуясь старыми связями въ канцеляріи суда и имѣя въ своемъ „распоряженіи“ члена суда „де-Пижона“, состоящаго ему должнымъ по векселямъ на сумму болѣе десяти тысячъ рублей, „хозяйничалъ“ въ столѣ, порученномъ этому члену суда, откуда для него выходили лишь „выигрышныя рѣшенія“. Вполнѣ увѣренный въ покровительство суда, противъ членовъ котораго онъ имѣлъ въ рукахъ такіе факты, что если его „тронуть“,

то у него затапцуютъ „лѣсъ и горы“, Жыпинъ велъ себя съ крайнимъ нахальствомъ въ канцеляріи и позволялъ себѣ даже въ присутствіи суда, поощряемый одобрительными улыбками судей, недостойныя и шутовскія выходки. Не ограничиваясь веденіемъ „выигрышныхъ дѣлъ“, онъ предъявлялъ иски, совершенно невозможные по своимъ основаніямъ, запугавъ предварительно неразвитыхъ или несвѣдущихъ въ законахъ отвѣтчиковъ письменными извѣщеніями съ угрозами уголовною отвѣтственностью и требовалъ при предъявленіи такихъ исковъ немедленнаго обезпеченія, которое ему всегда и давалось судомъ, при чемъ приказъ объ арестѣ имущества, осуществляемый имъ съ особымъ шумомъ и оглаской, такъ пугалъ отвѣтчиковъ-торговцевъ, что для спасенія своей коммерческой репутаціи они немедленно уплачивали ему требуемыя, безъ всякаго основанія, деньги. Увѣренность Жыпина въ томъ, что состоящій у него на откупѣ членъ суда обязанъ рѣшить дѣло въ его пользу, дала ему даже смѣлость однажды публично оскорбить послѣдняго дерзкими громогласными упреками въ томъ, что ему не *устроено* обезпеченіе *по дутому иску*. Огласка этого оскорбленія побудила привлечь Жыпина къ обвиненію, но дѣло окончилось слабымъ штрафомъ, при чемъ снисходительность суда была вынуждена угрозою подсудимаго протестовать векселя оскорбленнаго.

Статья Кроткова встрѣчена была съ ликованіемъ во вліятельной въ то время части прессы, которая воспользовалась указаніями автора для того, чтобы съ торжествомъ и „покиваніемъ главъ“ заявить, что вотъ какимъ является „нашъ дорогой новый судъ“, и „одно изъ лучшихъ наслѣдій періода реформъ“ по свидѣтельству журнала, редактируемаго такимъ „столпомъ протеста“, какъ Салтыковъ.

Судебное вѣдомство въ это время подвергалось усиленнымъ нападкамъ, отъ рѣзкости и клеветническихъ приемовъ авторовъ которыхъ оно *одно* не было ограждаемо. „Судебная республика“ въ лицѣ судебныхъ учрежденій и „судъ улицы“ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей были постоянною мишенью, въ которую швыряли грязью своеобразные и многочисленные добровольцы правосудія. Вокругъ новаго суда все болѣе и болѣе сгущался мракъ отчужденія и недоуверія. Можно было себѣ ясно представить, какъ могла еще болѣе сгустить этотъ мракъ подобная статья! Нужно было выяснитъ какъ можно скорѣй, на сколько то злорадство, которое она вызываетъ въ услужливыхъ и поддакивающихъ сердцахъ, покоится на фактическихъ основаніяхъ. Поэтому министръ юстиціи Набоковъ предложилъ мнѣ отправиться въ Московскій округъ и произвести подробную ревизію дѣлопроизводства „взятаго подъ

сомнѣніе“ окружнаго суда. Онъ объяснилъ мнѣ, что не можетъ возложить этой ревизіи на старшаго предсѣдателя Московской судебной палаты, такъ какъ послѣдній—человѣкъ чрезвычайно мягкій и снисходительный—всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ произвелъ тамъ же свою обычную періодическую ревизію и ни на какія изъ вопіющихъ злоупотребленій въ отчетѣ о ней не указалъ. Порученіе ему новой ревизіи по поводу разоблаченій „Отечественныхъ Записокъ“ ставило бы его, стараго и заслуженнаго судебного дѣтеля, въ крайне неловкое положеніе на мѣстѣ; неудобно было поручить провѣрять отзывы старшаго предсѣдателя и кому-либо изъ предсѣдателей гражданскихъ департаментовъ той же палаты, тѣмъ болѣе, что дѣла суда восходили по апелляціи въ эти самые департаменты. Нуженъ былъ свѣжій человѣкъ изъ другого округа, способный по своему положенію совершенно объективно отнестись къ предстоящему изслѣдованію. Задача, предстоявшая мнѣ, была очень трудна и сложна. Было очевидно, что для правильнаго заключенія о нравственномъ уровнѣ значительной части личнаго состава судебного учрежденія необходимо пересмотрѣть всѣ дѣла, бывшія въ производствѣ гражданского отдѣленія суда въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ (а такихъ оказалось свыше 8500 и въ томъ числѣ исковыхъ 2600), затѣмъ ознакомиться съ дѣлами общаго собранія суда и канцеляріи предсѣдателя и изъ существа всѣхъ этихъ дѣлъ вывести характеръ отношеній членовъ суда къ частнымъ ходатаямъ. Выводъ этотъ, однако, явился бы не полнымъ безъ выясненія нравственнаго облика тѣхъ изъ этихъ ходатаевъ, на которыхъ спеціально указывалъ авторъ статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ именами Жыпина, Грома и Твердоблоцкаго.

Предъ началомъ этой работы пришлось испытать довольно тяжелыя впечатлѣнія. Я посѣтилъ въ Москвѣ старшаго предсѣдателя палаты для предварительнаго ознакомленія съ его взглядомъ на личный составъ ревизуемаго суда. Почтенный старикъ былъ до крайности взволнованъ статьею Кроткова и, въ особенности, появившимися къ ней комментаріями во вліятельной московской печати. Онъ, помнившій медовый мѣсяць судебной реформы въ Московскомъ округѣ, съ негодованіемъ отвергалъ возможность тѣхъ порядковъ, на которые указывалось въ печати, и съ горечью называлъ „поспѣшную довѣрчивость министра юстиціи къ журнальной выдумкѣ“ личной для себя обидой, тяжесть которой для него смягчалась лишь его довѣріемъ ко мнѣ, своему старому сотруднику въ совѣщаніи по выработкѣ въ 1876 г. общаго наказа судебнымъ учрежденіямъ. На мѣстѣ мнѣ было еще болѣе тяжело видѣть предсѣдателя окружнаго суда при неизбѣжномъ первомъ

оффиціальному къ нему визитѣ. Высокій, полный человекъ съ умнымъ лицомъ и живыми темными глазами, всегда внушавшій къ себѣ симпатію и уваженіе и тоже помнившій „медовый мѣсяцъ“,— онъ, конечно, зналъ о дѣйствительномъ поводѣ моей ревизіи. Сознаніе, что изслѣдованіе должно коснуться оцѣнки такой стороны дѣятельности его и его ближайшихъ сослуживцевъ, которая тѣсно связана съ вопросами чести и служебнаго долга, очевидно, не могло не дѣйствовать на него тревожнымъ образомъ, и я видѣлъ, какая душевная боль прикрывалась съ большими усиліями его, спокойной по внѣшности, выдержанностью. Старый лицеистъ и человекъ высокой порядочности, онъ стоялъ внѣ сомнѣній относительно своей личной непричастности къ тому, что описывалъ Кротковъ— но онъ былъ предсѣдателемъ суда, и у него не могла не возникать мысль о допущенной имъ, быть можетъ, недостаточности надзора или объ излишнемъ довѣрїи, которымъ сумѣли воспользоваться опутавшіе его паутиной своего союза недобросовѣстные люди. Мысль о томъ, что въ глазахъ общественнаго мнѣнія трудно провести границу между судомъ и его предсѣдателемъ и избѣжать слуховъ о томъ, что „у него тамъ въ судѣ Богъ знаетъ что дѣлается“, очевидно грызла его сердце и невольно отражалась въ болѣзненномъ выраженїи его красиваго лица. Въ свою очередь, въ виду обширности матеріала, который предстояло разсмотрѣть, я сознавалъ, что рѣшительный выводъ изъ него можетъ быть сдѣланъ лишь чрезъ двѣ три недѣли и что, слѣдовательно, все это время предсѣдателю придется быть жертвою подавляемыхъ волненій и тягостныхъ сомнѣній...

Пришлось работать „не покладая рукъ“. Передо мною постепенно раскрывалась картина того, какъ отсутствіе послѣдовательности и необходимой твердости въ поддержанїи извѣстнаго порядка, вызывая сначала недоумѣніе, обращаетъ его потомъ въ подозрѣніе и, наконецъ, облакаетъ его въ форму обвинительныхъ слуховъ, въ достовѣрности которыхъ, въ значительной степени, убѣждены и самые ихъ распространители. Мнѣ не разъ приходилось говорить объ излюбленной у насъ жестокой чувствительности, въ силу которой изъ-за желанія помягче отнестись къ виновному въ томъ или другомъ вредномъ проявленїи своей дѣятельности, въ особенности, если онъ умѣетъ въ-время и въ надлежащей позѣ сказать „помилуйте!“, забываются законные интересы страждущихъ отъ его дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, а иногда и цѣлыхъ группъ населенія или учреждений. Требовать отъ человека строгаго исполненія его обязанностей бываетъ не всегда прїятно, и у насъ очень часто подъ внѣшней снисходительностью и слезливой добротою скрывается эгоистическое желаніе освобо-

дить себя отъ этой непріятности и переложить ее на плечи кого-нибудь въ будущемъ, кто будетъ вынужденъ исполнить ее уже въ болѣе крутомъ, чѣмъ это можно было бы сдѣлать своевременно, видѣ. Это явленіе оказалось существующимъ и въ ревизуемомъ мною судѣ. Предсѣдателемъ его до 1878 г. былъ человѣкъ, прославившійся въ свое время сдѣланной въ судебномъ засѣданіи Московскаго окружнаго суда угрозой высѣчь малолѣтнюю свидѣтельницу, не говорившую, по его мнѣнію, правду. Я узналъ его уже носящимъ званіе сенатора, какъ человѣка, умѣвшаго даже въ краткихъ резолюціяхъ по дѣламъ, проявлять грубое незнакомство съ уголовными законами и правилами процесса, излагаемое, при томъ, совершенно неудобопонятно, такъ что ближайшіе сослуживцы по очереди передоказывали его дѣла, а знаменитый Ровинскій прямо, не читая, перечеркивалъ его работу и лично писалъ резолюцію, въ качествѣ предсѣдателя отдѣленія департамента, вновь. Это, впрочемъ, не мѣшало „рабу лѣнивому и лукавому“ при случаѣ ораторствовать о возбужденіи дисциплинарныхъ производствъ противъ предсѣдателей, касационныя упущенія которыхъ были ничто въ сравненіи съ его самодовольнымъ невѣжествомъ и небрежностью. Во время своего предсѣдательства онъ завелъ въ судѣ какіе-то отеческіе способы осуществленія своей власти: не передавалъ въ общее собраніе суда случаевъ явныхъ нарушеній со стороны своихъ подчиненныхъ,—судебныхъ приставовъ, чиновъ канцеляріи и нотаріусовъ—ограничиваясь отмѣткой на прошеніи потерпѣвшихъ лаконическихъ словъ „просилъ простить“, или „оставить безъ движенія, вслѣдствіе обѣщанія не повторять“; не оглашалъ въ общемъ собраніи свѣдѣній, рисующихъ въ крайне предосудительномъ видѣ личность и дѣйствія ищущихъ права быть частными повѣренными, собирая, въ то же время, тщательно справки о ихъ политической благонадежности. Подъ его разслабляющимъ вліяніемъ и въ постановленіяхъ общаго собранія стала проявляться чрезмѣрно-мягкая оцѣнка поведенія вспомогательныхъ органовъ суда, требовавшаго тщательной дезинфекціи. Это выразилось, между прочимъ, и въ укоренившемся въ судѣ взглядѣ, что для оцѣнки нравственныхъ свойствъ домогающихся званія частнаго ходатая нельзя принимать въ соображеніе состоявшихся о нихъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ, на основаніи, будто бы, правила *non bis in idem*, вслѣдствіе чего въ составѣ частныхъ повѣренныхъ при судѣ были люди, репутація которыхъ была безусловно запятнана производившимся о нихъ уголовнымъ дѣломъ.

Новому предсѣдателю, котораго мнѣ приходилось ревизовать, пришлось получить, благодаря всему этому, крайне тяжелое и нечистоплотное наслѣдство, отъ котораго онъ, вѣроятно, отка-

зался бы, существуй у насъ возможность принимать наслѣдство sous bénéfice d'inventaire. Въ этомъ наслѣдствѣ одну изъ главныхъ ролей игралъ частный повѣренный, выведенный Кротковымъ подъ именемъ Жыпина, бывший помощникомъ секретаря суда въ 1870 году и затѣмъ секретаремъ съ 1873 по 1875 годъ. Ловкій и беззастѣнчивый вымогатель, наглый въ частныхъ и дерзкій въ официальныхъ отношеніяхъ, умѣло ходившій „по опушкѣ (выраженіе Спасовича въ одной изъ защитительныхъ рѣчей) между гражданскимъ полемъ и уголовнымъ лѣсомъ“—Жыпинъ заставилъ, наконецъ, лопнуть постыдное долготерпѣніе предсѣдателя. Произведенное по распоряженію суда дознаніе вполне подтвердило слухи о лихоимствѣ Жыпина и обрисовало дѣятельность его въ самомъ возмутительномъ свѣтѣ, но и тутъ прежній предсѣдатель счелъ возможнымъ ограничиться совѣтомъ подать прошеніе объ отставкѣ, которому Жыпинъ послѣдовалъ послѣ ряда угрозъ по адресу свидѣтелей, дававшихъ свои показанія при дознаніи, погребенномъ въ архивѣ суда безъ всякаго дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ принятъ въ число частныхъ повѣренныхъ и дебютировалъ полнѣйшимъ разореніемъ довѣрившейся ему вдовы, совершеннымъ на „законномъ основаніи“, послѣ чего на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію въ кражѣ, вызванной крайней нищетой, оказался ея сынъ.

Приемы адвокатской практики Жыпина, съ которыми я ознакомился по дѣламъ и личнымъ объясненіямъ съ его „клиентами“, при всемъ своемъ разнообразіи сводились къ пользованію слабыми сторонами нашего тогдашняго гражданского процесса, впоследствии во многомъ улучшеннымъ. Нашъ уставъ гражданского судопроизводства, въ сущности, въ общемъ болѣе благопріятствуетъ отвѣтчику, чѣмъ истцу, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ вооружаетъ истца такими правами, опираясь на которыя и дѣйствуя формально законно, онъ можетъ ставить отвѣтчика въ почти безвыходное положеніе, особливо если послѣдній не достаточно свѣдущъ или освѣдомленъ. Наиболѣе часто практиковавшійся Жыпинымъ приемъ состоялъ въ предьявленіи завѣдомо неосновательныхъ исковъ, обставленныхъ однако съ внѣшней стороны надлежащимъ образомъ, при чемъ онъ требовалъ отъ суда немедленнаго обезпеченія иска наложеніемъ ареста на имущество отвѣтчика. Затѣмъ постановленіе суда объ обезпеченіи приводилось имъ въ исполненіе черезъ судебнаго пристава съ лихорадочной поспѣшностью. Въ глазахъ многихъ такое обезпеченіе представлялось аналогичнымъ съ присужденіемъ иска, а въ глазахъ купцовъ самая процедура обезпеченія и связанная съ нею огласка грозила такимъ подрывомъ

кредита, что у отвѣтчика естественно могло являться желаніе помириться, заплативъ Жыцину, безъ всякихъ основаній, требуемую сумму. Поэтому, пріемъ запугиванія одною угрозою обезпеченія легко удавался Жыцину. Я нашелъ цѣлый рядъ дѣлъ, въ которыхъ послѣ полученія опредѣленія объ обезпеченіи иска этотъ господинъ входилъ въ судъ съ прошеніемъ о прекращеніи дѣла, ибо онъ „удовлетвореніе получилъ“. Другой пріемъ состоялъ во вчинаніи исковъ безъ предварительнаго требованія удовлетворенія, но съ ходатайствомъ объ обезпеченіи. Такимъ путемъ онъ получалъ вознагражденіе за веденіе дѣла, для котораго не было однако никакого основанія, такъ какъ отвѣтчикъ никогда отъ платежа и не уклонялся. Обыкновенно, предъявивъ такое неосновательное ходатайство для осуществленія своего вымогательства, онъ прямо не являлся къ докладу, или, добившись заочнаго рѣшенія, сознательно отсутствовалъ при разсмотрѣніи дѣла по отзыву противной стороны, дѣлая это въ расчетѣ, что состоявшееся заочное рѣшеніе можетъ смутить отвѣтчика или что по незнанію судопроизводственныхъ правилъ онъ пропуститъ сроки обжалованія и т. п. Кромѣ этихъ двухъ мошенническихъ пріемовъ, онъ съ явною и исключительною цѣлью полученія гонорара продолжалъ вести тяжбы вопреки желанію истцовъ, занимался скупкою векселей и путемъ безсовѣстныхъ увѣреній добивался отъ безграмотныхъ опекуновъ надъ малолѣтними крестьянами признанія болѣе чѣмъ сомнительныхъ документовъ. Звѣзда Жыпина стала закатываться съ назначеніемъ новаго предсѣдателя. Послѣдній началъ зорко присматриваться къ его дѣятельности и при первомъ подходящемъ случаѣ возбудилъ противъ него дисциплинарное производство, настоявъ въ общемъ собраніи на исключеніи Жыпина изъ числа повѣренныхъ. Неузвямая формально, изворотливая по пріемамъ и безнравственная по существу дѣятельность Жыпина, въ связи со взглядомъ бывшаго предсѣдателя суда на свою власть по надзору, объясняла сложившійся у мѣстнова населенія взглядъ на характеръ отношеній его къ суду и вытекающія изъ этого взгляда предположенія. Зрѣлище явнаго лихоимца, принесшаго въ только-что открытое учрежденіе всѣ зловредные пріемы отжившаго крючкотворства и покинувшаго безнаказанно окружный судъ, чтобы затѣмъ съ разрѣшенія того же суда быть посредникомъ между нимъ и тяжущимися, не могло не возбуждать горестнаго недоумѣнія въ окружающихъ, которое, назрѣвая и укорежаясь, нашло себѣ, наконецъ, выраженіе въ статьѣ Кроткаго. Основанная на слухахъ и разказахъ отдѣльныхъ лицъ, не вольно вносившихъ въ свои повѣствованія понятное раздраженіе, эта статья страдала излишней довѣрчивостью ко всему слышан-

ному, и авторъ, повидимому, не всегда приводилъ себѣ на память слова Гоголя: „со словомъ нужно обращаться честно“. Поэтому все, что касалось стачки частныхъ повѣренныхъ съ членами суда, оказалось сплошною клеветою. Такъ—я не нашелъ никакой неравномѣрности въ распредѣленіи дѣлъ по столамъ и никакихъ признаковъ преимущественнаго поступленія дѣлъ того или другого повѣреннаго въ опредѣленный столъ, предпочтительно предъ другими. Такъ, на примѣръ, за четыре года мною обревизованныхъ, Жыпинъ велъ въ каждомъ изъ трехъ столовъ отъ сорока двухъ до сорока шести дѣлъ. Точно такъ же не нашелъ я и доказательствъ того, что дѣла извѣстныхъ повѣренныхъ всегда рѣшались въ ихъ пользу: два наичаще упоминаемые въ статьѣ, какъ „любимцы“, повѣренныя—Жыпинъ и Громъ—выиграли за рассмотрѣнный мною періодъ первый 60⁰/₀, а второй 54⁰/₀ предъявленныхъ ими исковъ. Еще менѣе согласны съ правдой были печатныя навѣты на члена суда де-Пижона, дѣятельность котораго въ судебномъ отношеніи представлялась безусловно безукоризненной. За рассмотрѣнный мною періодъ по дѣламъ, въ которыхъ участвовалъ Жыпинъ, принесено было судебной палатѣ одиннадцать жалобъ, и она утвердила восемь рѣшеній, по четыремъ изъ которыхъ въ искѣ Жыпину было отказано, и отмѣнила три рѣшенія, изъ которыхъ два состоялись противъ Жыпина. За это время, согласно оцѣнкѣ исковъ, Жыпину присуждено на сумму тридцати четырехъ съ половиной тысячъ, что вполнѣ нормально, такъ какъ, имѣя обширную практику, Жыпинъ естественно не могъ заниматься предъявленіемъ однихъ неосновательныхъ исковъ. Окончивъ обзорѣніе гражданскихъ дѣлъ и перейдя къ уголовному отдѣленію, гдѣ все оказалось въ образцовомъ порядкѣ, я вздохнулъ свободно отъ сознанія, что ни въ личности де-Пижона, представлявшей всѣ условія нравственной порядочности и развитія, ни въ дѣятельности его трудолюбивыхъ и знающихъ сотоварищей, при самой строгой провѣркѣ, нельзя было найти ни малѣйшихъ признаковъ недобросовѣстнаго отношенія къ святому дѣлу правосудія, такъ же какъ въ личности и въ отношеніи къ своему дѣлу предсѣдателя я не нашелъ ни малѣйшихъ основаній къ предположенію, что онъ можетъ быть игралищемъ своихъ подчиненныхъ, творящихъ и у него подъ рукою беззаконія.

Сообщивъ о моихъ выводахъ министру юстиціи и не скрывъ ихъ въ откровенномъ разговорѣ и отъ предсѣдателя, я почувствовалъ, что у насъ обоихъ съ души свалился камень. Сказавъ свое послѣднее и рѣшительное слово о томъ, что было приблизительно вѣрнаго въ статьѣ, такъ встревожившей Д. Н. Набокова, и что явилось въ ней плодомъ поспѣшныхъ обобщеній, основанныхъ на

непровѣренныхъ провинціальныхъ сплетняхъ, я считалъ свою миссію оконченною и вскорѣ вернулся въ Петербургъ.

Вспоминая мое пребываніе въ гражданскомъ департаментѣ палаты, я обращаюсь съ благодарнымъ чувствомъ къ судьбѣ, пославшей мнѣ эту дѣятельность. Я не только душевно отдохнулъ въ ней, но и многому научился. Это особенно сильно ощутилъ я, когда пришлось, черезъ три съ половиною года, занять постъ оберъ-прокурора уголовнаго кассационнаго департамента Сената и принять на себя предьявленіе заключеній по большей части дѣлъ, въ которыхъ возбуждались серьезные вопросы, требовавшіе руководящаго разъясненія. Между послѣдними было много почти всецѣло относившихся къ области гражданского права и процесса. Практическое знакомство съ послѣдними, вынесенное изъ пребыванія и дѣятельности въ палатѣ, очень помогало мнѣ, облегчая мнѣ трудъ и освобождая меня отъ напраснаго блужданія среди мало знакомыхъ понятій.

А. Ѳ. Кони.

